СЕРГѢЙ РАФАЛОВИЧЪ

СТИХИ РОССІИ

PARIS
Imprimerie „Union“, 46, Bd St-Jacques
1916

СТИХИ РОССІИ

Сергѣй Рафаловичъ

Стихи Россіи

PARIS
Imprimerie „Union“, 46, Bd St-Jacques
1916

ЛЮБОВНИЦА.

Я съ дѣтскихъ лѣтъ люблю тебя, родная,
и въ смѣнѣ дней, и дѣлъ, и настроеній,
среди заботъ и быстрыхъ совершеній,
и медленныхъ раздумій, созрѣвая,
мѣнялся я, тебѣ не измѣняя.
Свободной прихотью расцвѣченъ путь далекій,
но вѣренъ онъ горящей на востокѣ
звѣздѣ-предвѣстницѣ невѣдомаго дня.
Къ тебѣ, къ тебѣ одной онъ приведетъ меня,
какъ приводилъ не разъ со всѣхъ концовъ вселенной,
куда я странникомъ тревожнымъ уходилъ
иль устремлялся думою мятежной.
Пусть ароматъ чужой иль отблескъ зарубежный
въ одеждѣ и въ очахъ назадъ я приносилъ —
Твой ликъ въ моей душѣ хранится неизмѣнный.

Чѣмъ связанъ я съ тобой, понять я не сумѣлъ,
влеченью тайному не вѣдаю причины.
Мой взоръ и остръ и прямъ, мой разумъ трезвъ и смѣлъ,
лица любимаго я подсчиталъ морщины
и долгимъ опытомъ созрѣвшаго мущины
разсѣялъ юный хмель обманчивой мечты.
Не безпорочнѣе, не всѣхъ прекраснѣй ты,

но слабость каждая и каждый недостатокъ
кладутъ особенный и милый отпечатокъ
на обликъ твой, на всѣ твои черты,
чья прелесть властная уму непостижима.
Законникъ мелочный, эстетъ иль моралистъ,
чье сердце лишь сосудъ, который пустъ и чистъ,
не вамъ ее судить. Слѣпцы, несите мимо
каноны красоты въ дворцы или въ музей
и нормы должнаго — въ палаты правосудій.
Вамъ трупъ милѣй, чѣмъ грѣхъ, и правила — чѣмъ люди,
вы, рыцари кладбищъ, не прикасайтесь къ ней.

Любимая, не я повелъ тебя къ вѣнцу,
но съ дѣтскихъ лѣтъ союзъ нашъ внѣ закона.
Была ты дочерью покорною отцу,
женой послушною и трепетной, чье лоно
законный плодъ раститъ въ безвольи вѣковомъ.
Изъ дома отчаго вошла ты въ мужнинъ домъ,
былъ братъ тебѣ вождемъ и будетъ сынъ владыкой.
Но вѣчно робкая и вѣчно подъ ярмомъ,
не осознавъ души глубокой и великой,
не двигаяся тамъ, гдѣ сказано: побудь! —
по всѣмъ земнымъ путямъ ты шла за кѣмъ нибудь:
съ однимъ—въ дворцы вельможъ, съ другимъ—на баррикаду,
къ народу иль къ царю, на площадь иль въ засаду,
въ подполье, иль на казнь, иль въ ссылку, иль въ тюрьму,
съ воителемъ — на брань, и въ храмы — за пророкомъ.
Все испытавшая, ты вѣришь ли тому,
кто вѣритъ, борется иль жаждетъ за тебя?
Иль знаешь ты, что онъ, свой замыселъ любя,
къ тебѣ давно склонялъ невидящее око?

Но ими созданъ былъ твой жизненный укладъ:
въ немъ нѣтъ моей вины и нѣтъ моей заслуги.
Я не отецъ родной и не родной я братъ,
и не законный мужъ законннѣйшей супруги.
Я всей твоей роднѣ на вѣки не родня,
среди твоихъ друзей лишь мнѣ не будетъ друга,
и только ты одна, не дочь и не подруга,
съ глубокой нѣжностью привѣтствуешь меня.
Быть можетъ, знаешь ты, сближая наши доли,
не свѣтлымъ разумомъ, не просвѣтленной волей,
а вѣщей чуткостью не свойственной мужамъ,
что я — свободный зовъ надъ вѣчною неволей,
призывъ таинственный къ незримымъ небесамъ.
Я — сердца твоего несказанное слово,
твоей души—неизлученный свѣтъ,
надъ твердью сущаго, надъ правдою былого
я—быта властнымъ „да“ правдивѣйшее: „нѣтъ“.
И будетъ ли судьба къ тебѣ не благосклонна
иль за руку возьметъ свѣтлѣя съ каждымъ днемъ, —
любовница моя, внѣ жизни, внѣ закона,
идутъ любовники не лучшимъ ли путемъ?

Не лучшимъ ли путемъ, внѣ жизни, внѣ закона,
страна родимая, и мы съ тобой идемъ?

КОЛЫБЕЛЬНАЯ ПѢСНЯ.

Тихо теплится лампадка,
тихо часики стучатъ.
Въ колыбели спалъ я сладко
много лѣтъ тому назадъ.

Были дни короче ночи,
сонъ безъ сновъ и явь какъ сонъ.
Нынѣ отдыхъ сталъ короче
и замѣтнѣй токъ временъ.

На большой я сплю кровати,
мой ночникъ давно погасъ.
На незримомъ циферблатѣ
лишь одинъ отмѣченъ часъ.

Неизбѣжно близкой цѣли
не достичь я былъ бы радъ.
Сладко спалъ я въ колыбели
много лѣтъ тому назадъ.

Были весны, были зимы,
спѣютъ груши, сжата рожь.
И какъ я, въ очахъ любимыхъ
знойный югъ ты обрѣтешь.

Днямъ отцвѣтшимъ нѣтъ расцвѣта
и не каждый мѣсяцъ — Май.
Но искать, какъ птицы, лѣта
въ дальнiй край не улетай.

Лѣсъ угрюмый, жуткій шорохъ,
вѣтеръ стонущій въ степи.
Въ женской ласкѣ, въ женскихъ взорахъ
край родимый полюби.

Все узналъ я, все извѣдалъ,
не однажды согрѣшилъ,
только родины не предалъ
и любви не измѣнилъ.

Не поймешь ты этой пѣсни,
не запомнишь грустныхъ словъ...
Что желаннѣй, что чудеснѣй:
сны безъ сна? иль сонъ безъ сновъ?

РУСЬ.

По равнинамъ, по вершинамъ,
по болотамъ и лѣсамъ,
къ неизвѣстнымъ Палестинамъ,
къ недоступнымъ небесамъ

ты бредешь усталымъ шагомъ
и пытая жребій свой,
то покорствуешь Варягамъ,
то воинствуешь съ Литвой.

То подъ тяжестью ты ноешь
Чингисханова ярма,
то подъ иго крѣпостное
ты склоняешься сама.

Лапти, посохъ и котомка —
вотъ и все твое добро.
Но за то не сердце-ль ёмко
и не въ пѣснѣ-ль серебро?

и въ разсказѣ невесёломъ
яркимъ золотомъ горитъ
то, чего не взять Монголамъ
и не купятъ Фризъ и Бритъ?

Но безрадостно и сиро
побираяся съ сумой,
обхватила ты полміра
и забыла путь домой.

Или былъ всегда невѣдомъ
этотъ путь мечтамъ твоимъ,
и бредешь ты къ Самоѣдамъ
и плывешь въ Ерусалимъ?

Ахъ ты, странница Господня,
сиротинушка, мой свѣтъ!
Я бъ съ тобой пошелъ сегодня
и туда, гдѣ жизни нѣтъ.

Не во всѣ часы такою
я бъ тебя постигнуть могъ:
но сейчасъ твоей тоскою
и меня сподобилъ Богъ.

И далёко ли иль близко
намъ идти, плечо къ плечу,
предъ тобою низко, низко
преклониться я хочу.

РОДИМАЯ.

Степью ровной и унылой
я бреду, куда — не знаю.
Безнадежно все, какъ было:
чѣмъ помочь родному краю?

Сколько тутъ нужды изжито,
униженій и печали?
Но сквозныя, точно сита,
души безъ-толку страдали.

И отъ люльки до могилы
все бредемъ одной дорогой.
Гдѣ мы были, гдѣ мы были
въ часъ, когда распяли Бога?

Духъ безъ плоти, плоть безъ духа —
ну, какую цѣль намѣчу?..
Вижу, ветхая старуха
не спѣша идетъ навстрѣчу.

Очи ласковы и влажны,
какъ фіалки на закатахъ.
Скорбно замеръ стонъ протяжный
на устахъ покорно сжатыхъ.

Подошла ко мнѣ вплотную:
„не видалъ ли, странникъ Божій?"
— Знаю я страну родную,
всѣ въ ней дни и люди схожи. —

„Не видалъ ли, милый, сына?“
— Что ты, бабушка? какого?
вѣдь Россія не пустыня... —
Но упрямо шепчетъ снова:

„сына, сына родила я,
отдала я сына людямъ...“
Такъ твердила и другая,
та, чью скорбь мы помнить будемъ.

Говорю ей: былъ когда то
распятъ Сынъ жены небесной;
но былому нѣтъ возврата,
къ жизни нѣтъ тропы воскресной.

Подняла худую руку,
засвѣтилася слезами:
„нашу алчущую муку
ты ль не принялъ вмѣстѣ съ нами?

Гдѣ томленье безысходнѣй
и безрадостнѣе бремя?
Развѣ благости Господней
здѣсь не мѣсто и не время?

Распинаемъ ежечасно,
жертвой Господу угодной,
сынъ смиренный и безгласный,
и холодный, и голодный.

И съ тѣхъ поръ, какъ былъ впервые
путь проложенъ изъ могилы,

ходятъ матери земныя,
ищутъ, кличутъ: гдѣ ты, милый?

Не видалъ? Ну Богъ съ тобою"...
И пошла тропой тернистой:
въ степь? иль въ небо голубое?
къ людямъ грѣшнымъ? иль къ Пречистой?

Такъ безъ ласковаго слова
другъ отъ друга побрели мы...
Не признала ты родного,
не узналъ и я родимой.

ДВѢ ГРАНИ.

Намъ два удѣла
даны заранѣ,
отъ грани бѣлой
до черной грани.

Желѣзнымъ плугомъ,
клинкомъ изъ стали,
мы другъ за другомъ
и глубь и дали

захватимъ властно,
отдавъ безъ счета
съ рудою красной
кровавость пота.

Но къ выси бѣлой
надъ черной пашней
возводимъ смѣло
святыя башни,

гдѣ той же кровью
мы истекаемъ
надъ здѣшней новью
нездѣшней чаемъ.

И будетъ лѣто,
и будутъ зимы:
дождется ль свѣта
мой край родимый?

Иль тщетно споримъ
съ двойнымъ удѣломъ
межъ Чернымъ моремъ
и моремъ Бѣлымъ?

***

Не мечомъ, копьемъ и шпагой,
не палицею Геракла,
и не лукомъ Одиссея
свой народъ вооружу:
только гнѣвомъ и отвагой,
гдѣ донынѣ не изсякла,
кровью жгучею алѣя,
месть, сердца заворожу.

Въ дѣлѣ нужномъ, въ дѣлѣ правомъ,
въ правдѣ кровью напоенной,
глубь пронзающей корнями
и возставшей изъ могилъ,
есть обѣтъ грядущимъ славамъ,
року вызовъ непреклонный,
закаленная огнями
сила всѣхъ превыше силъ.

Этой мощью неучетной,
этой правдой вѣковою,
этимъ правомъ неоспорнымъ
мы засѣемъ жизнь, какъ новь,
если вставъ стѣною плотной,
вознесемъ надъ головою
бѣлый крестъ на стягѣ черномъ —
въ гнѣвѣ яростномъ — любовь.

ПЕТРОГРАДЪ.

Изъ нѣдръ земныхъ страны родимой,
вѣкамъ довѣривъ свой расцвѣтъ,
ты не возникъ неудержимо,
какъ въ сердцѣ благостный завѣтъ.

И живъ не замыселъ народный
подъ четкостью твоихъ личинъ,
но вѣнценосный и безродный
ты всѣмъ обличьемъ — мѣщанинъ.

Ты созданъ прихотью мгновенной,
съ судьбой вступившей въ дерзкій споръ,
и вотъ, стоишь среди вселенной
всему и всѣмъ наперекоръ.

Не сердце пылкое Россіи
въ тебѣ размѣренно стучитъ,
и не родня родной стихіи
твой гордо блещущій гранитъ.

Но измѣнивъ роднымъ просторамъ,
куда упорно рокъ зоветъ,
ты безнадежно мѣришь взоромъ
унылый путь Балтійскихъ водъ.

И въ годы бурныхъ сотрясеній
и воплощаемой мечты
цѣной послѣднихъ отреченій
страну ведешь не ты, не ты,

но самовластно и раздѣльно
свой каждый ликъ и мигъ любя,
ты — вызовъ, брошенный безцѣльно
судьбѣ не знающей тебя.

ИСААКІИ.

Въ землю вросъ пятой тяжелой
златоглавый богатырь.
Горы снѣжныя и долы
придавилъ пятой тяжелой.
Но до Божьяго престола
толпамъ вѣрный поводырь,
воздвигаетъ крестъ тяжелый
златоглавый богатырь.

НАВОДНЕНІЕ.

Вѣтеръ съ моря. Воетъ буря.
Ощетинилась Нева.
Очи пасмурныя щуря,
надъ водою воетъ буря.
Лобъ увѣнчанный нахмуря,
Петръ глядитъ на острова.
Не съ заката ль эта буря?
не измѣнница ль Нева?

ЦАРСКІЙ ДОМИКЪ.

Царскій домикъ — на Фонтанкѣ,
надъ Невою — царскій домъ.
Знаютъ дѣти, знаютъ няньки
царскій домикъ на Фонтанкѣ.
На другой глядятъ мѣщанки
и зовутъ его дворцомъ.
Царскій домикъ на Фонтанкѣ
не слыхалъ про царскій домъ.

ВЪ ДЕРЕВНѢ.

Рѣченка просто такъ себѣ,
и лѣсъ, какъ лѣсъ, и нива нивой.
Течетъ покорная судьбѣ
рѣченка просто такъ себѣ.
И лѣпятся изба къ избѣ
другъ съ дружкой схожія на диво
Взгрустнулось просто такъ себѣ
предъ ручейкомъ, избой и нивой.

ВЪ МАЛОРОССІИ.

Два вола въ одной запряжкѣ,
вялый окрикъ: цобъ-цобэ.
И плетутся ляшка къ ляшкѣ,
два вола въ одной запряжкѣ.
Роемъ носятся букашки,
осы жалятъ... Чтобъ тебѣ...
Если бъ не былъ я въ запряжкѣ,
какъ бы цокнулъ: цобъ-цобэ.

МѢДНЫЙ ВСАДНИКЪ.

Взметнувъ коня на горной кручѣ,
онъ топчетъ мѣдную змѣю...
Плѣненный, гнѣвный и могучій,
дыбится конь на горной кручѣ.
Куда прыжокъ: въ Неву иль въ тучи?
Но я ль безумца осмѣю,
кто растопталъ на горной кручѣ
земную мудрость, какъ змѣю?

НА РОДИНѢ.

А на родинѣ моей
и весна, да лучше вашей.
Нѣтъ нигдѣ такихъ ночей,
какъ на родинѣ моей.
Тамъ и сумерки свѣтлѣй,
и разсвѣтъ и полдень краше.
А на родинѣ моей
и любовь — получше вашей.

НЕ МИРЪ, НО МЕЧЪ.

Не въ первый разъ надъ людною Европой,
гдѣ жизнь кипитъ въ негаснущемъ котлѣ,
гдѣ жаждутъ власти прежніе холопы
и прежніе вожди съ вѣнцами на челѣ
склоняются къ грохочущей землѣ
въ тревогѣ тайной, въ гордости напрасной,
гдѣ новый строй творится ежечасно
среди твердынь, колеблемыхъ толпой, —
проносится, какъ вихрь свирѣпый и слѣпой,
угроза древняя кровавыхъ столкновеній.
И тучи черныя плывутъ, сгущая тѣни,
надъ блескомъ суетнымъ, струящимся вокругъ,
съ Заката на Востокъ и съ Сѣвера на Югъ,
во всѣ концы земли до самыхъ крайнихъ граней.
Не въ первый разъ незримый призракъ брани
врывается на пиръ и пишетъ на стѣнѣ
слова зловѣщія десницею кровавой.
И сотрясаются великія державы,
какъ челны утлые подвластные волнѣ.
Но бдятъ правители, но трезвый разумъ бдитъ:
для буйныхъ есть узда и для покорныхъ — щитъ,
оплотъ для трепетныхъ, уступки для отважныхъ,
посулы для глупцовъ и деньги для продажныхъ.
Быть можетъ, лучше такъ, когда рычащій гнѣвъ
мгновенной прихотью въ сердцахъ рожденъ случайно.
Но тамъ, гдѣ долгіе вѣка преодолѣвъ,
вражда скрывается, какъ страсть цвѣтущихъ дѣвъ,
и душу вѣщую объемлетъ съ мощью тайной,
гдѣ не рѣшенъ вопросъ: кому изъ двухъ пребыть? —
и въ гибели врага — залогъ существованья,

гдѣ надо все отдать иль можно все добыть, —
безцѣленъ хитрый торгъ, презрѣнны колебанья
и быть безумнымъ значитъ мудрымъ быть.

Давно пора трусливые расчеты
оставить тѣмъ, кто вѣритъ не въ судьбу
достойную великаго народа,
и приковалъ къ позорному столбу
души могучей вольные полеты.
Когда тюремщикомъ не будетъ воевода,
когда межъ витязей не будетъ палача,
и страхъ забудется предъ угнетеннымъ братомъ, —
душой отточенной какъ остріе меча, —
не бремя жалкое безсмысленно влача
раздоровъ мелочныхъ по избамъ и палатамъ, —
мы дружно понесемъ свой жребій вѣковой
вѣрны судьбѣ невѣдомой донынѣ,
но съ поднятой высоко головой
въ сознаніи оправданной гордыни.
Давно пора врага не видѣть тамъ,
гдѣ жизнь подходитъ къ ветхимъ воротамъ
воздвигнутымъ владыками былыми.
Въ огнѣ сверкающемъ и въ ѣдкомъ дымѣ
пожара грознаго, объемлющаго міръ,
свершается судьба, то буйная, какъ пиръ,
то незамѣтная, какъ будни человѣка.
Позоръ на тѣхъ, кто немощнымъ калѣкой
плетется за толпой прошедшей путь кровавый
иль подъ ярмо давно поблекшей славы
ее склонить пытается опять.
Ни міръ, ни жизнь дорогъ не знаютъ вспять.
И если каждый вѣритъ по иному

и правду чтить не брата, но свою, —
пусть этотъ споръ рѣшится не въ бою,
гдѣ пламя жжетъ и сѣно и солому.
Рѣшится споръ не прихотью земной,
не силою того, кто властью избалованъ
и противъ насъ возсталъ. Онъ все же намъ родной,
и жребій намъ одинъ навѣки уготованъ.

Но жребій не одинъ враждебнымъ племенамъ
не схожимъ межъ собой ни языкомъ, ни вѣрой,
безмѣрной пылкостью иль праведною мѣрой,
ни пестрымъ вымысломъ, ни явью сѣрой,
ни волею отцовъ, завѣщанной сынамъ.
Не узкая межа, оврагъ или рѣченка,
межъ ними пропастью бездонною легла:
различьемъ вѣковымъ напитанная мгла,
и въ будничныхъ словахъ, и въ пѣснѣ звонкой,
и въ тайной думѣ хмураго чела
черту незримую межъ ними провела.
И съ двухъ сторонъ, какъ два противныхъ тока,
задержанныхъ наперекоръ судьбѣ,
двѣ истины, съ Заката и съ Востока,
влекутся яростно къ рѣшительной борьбѣ.
Къ чему искать обманнаго исхода
и обольщаться лживою мечтой?
Гдѣ другъ предъ другомъ встали два народа,
просторъ лишь одному и лишь тому свобода,
кто придавилъ врага побѣдною пятой.
Не страшенъ намъ отказъ отъ всѣхъ благополучій
существованія въ уютѣ и теплѣ,
коль добыто оно не волею могучей,
но ложью хитрою, таящейся во мглѣ,

цѣной неискреннихъ и зыбкихъ соглашеній,
обходомъ трепетнымъ вопросовъ и рѣшеній,
которымъ лишь одинъ есть выходъ на землѣ.
И, если пробилъ часъ рѣшительнаго боя,
когда живой потокъ затопитъ берега, —
въ смиреннѣйшемъ изъ насъ жива душа героя
и тотъ, кто жаждалъ мирнаго покоя,
съ восторгомъ ринется на древняго врага.
Властнѣй разумныхъ словъ и правыхъ увѣщаній
звучитъ стихійный кличъ недремлющей вражды.
И нѣтъ пути назадъ, когда стоятъ у грани
рядами задними тѣснимые ряды.
Да будетъ, наконецъ, что будетъ неизбѣжно:
непредугаданъ рокъ, но свѣточъ не угасъ,
Голгоѳа можетъ быть въ твердынѣ зарубежной,
но, преступивъ межу, мы скажемъ: „въ добрый часъ“.
И не шепнетъ никто, въ тоскѣ на мигъ мятежной,
предъ чашею судьбы: „да идетъ мимо насъ“.

12 іюля 1914.

РОССІИ.

Какъ въ весеннемъ полуснѣ
не забыться, не очнуться.
Здѣсь и въ дальней сторонѣ
два созвучныхъ сердца бьются.

Слышу топотъ многихъ ногъ,
многогрудое дыханье.
Вижу: свѣтлый нашъ чертогъ
потрясенъ до основанья.

И колебля города,
какъ исчадіе былого,
милліонная орда
край родимый топчетъ снова.

Но готовилъ намъ ударъ
трезвый Западъ не за то ли,
что сумѣли мы татаръ
задержать на русскомъ полѣ?

что свободы не вкусивъ
и довольства не извѣдавъ,
на защиту чуждыхъ
мы спѣшимъ не хуже дѣдовъ?

Много отдали мы силъ
за униженнаго брата,
много вырыто могилъ
отъ востока до заката.

Сгнили ветхіе кресты
и осыпались курганы,
но не прежнія-ль мечты
въ насъ опять благоуханны?

Сказка, быль иль вѣщій сказъ?
Чѣмъ несбыточнѣй, тѣмъ краше.
Но теперь, какъ въ первый разъ,
мы достойны вѣры нашей.

Въ сердцѣ вѣчная весна
и весенняя тревога.
Вновь родимая страна
у завѣтнаго порога.

И вперяя очи вдаль,
слухъ мой чуткій напрягая,
я на радость и печаль,
твой вовѣкъ, страна родная.

РУССКОИ ЖЕНЩИНѢ.

Вышла ты тропою узкой
на проѣзжую дорогу,
на просторъ нестройный, русскій,
незнакомый даже Богу.

И пошла въ тревожной дремѣ
неувѣренно и стойко
отъ Фомы бродить къ Еремѣ,
отъ обѣдни на попойку.

Побираясь, расточаешь,
жадно ищешь и не цѣнишь,
лишь возможнаго не чаешь,
лишь добытому измѣнишь.

И не видя во вселенной
цѣли свѣтлой и убѣжной,
ты и въ подвигѣ смиренна
и въ молитвѣ ты мятежна.

А полюбишь — Боже! Боже!
страсть какъ тучи небо кроетъ...
Но средь женщинъ въ мірѣ кто же,
кто тебя, родная, стоитъ?

У ПАМЯТНИКА.

Передъ тобою, вождь державный,
чей вызовъ, брошенный вѣкамъ,
какъ плачъ покорной Ярославны,
и памятенъ, и близокъ намъ,

стою въ раздумьи невеселомъ,
гляжу на мѣдный твой полетъ,
пока по нивамъ и по селамъ
нашъ рокъ непонятый бредетъ.

Кто взмылъ событья міровыя,
на судьбы яростно дыша?
куда глядитъ твоя Россія?
о чемъ болитъ моя душа?

За что, невѣдомый прохожій,
безъ скипетра и безъ вѣнца,
тяжелый крестъ на твой похожій,
нести я долженъ до конца?

Судьбѣ я вызова не бросилъ,
народа властно не воздвигъ,
по волѣ волнъ плыву безъ веселъ
и славлю жизнь за каждый мигъ.

Зачѣмъ же въ прудъ мой одинокій,
гдѣ два качались челнока,
неудержимые потоки
влила гремящая рѣка?

Что нужно ей и что мнѣ надо?
Зачѣмъ сквозь блескъ, и трескъ, и гулъ
изъ Александровскаго сада
въ мою ты пустынь заглянулъ?

Вотъ я пришелъ, мой вождь державный,
чей конь скакнетъ черезъ межу.
Но плачъ покорной Ярославны
въ тоскѣ безудержной твержу.

СВЯТОГОРЪ.

Нѣтъ, не тутъ, гдѣ мы мечтаемъ,
въ глубь вѣковъ, вперяя взоръ,
проходилъ родимымъ краемъ
грузный, мощный Святогоръ.

И не тамъ, гдѣ бьются нынѣ
иль рядами полегли,
онъ скорбѣлъ о каждомъ сынѣ
кровью политой земли.

Вѣрный сторожъ, храбрый воинъ,
встань, взгляни на двойника:
онъ, какъ ты, Руси достоинъ,
Русь какъ прежде велика.

Но медлительнымъ разливомъ
смывъ межи со всѣхъ сторонъ,
мы по весямъ и по нивамъ
сторожимъ твой вѣщій сонъ.

Намъ не лучше, чѣмъ когда-то:
смутна мысль и жизнь темна.
Тайной тягостной чревата
неродившая страна.

Донесемъ ли это бремя?
и когда блеснетъ Восходъ,
ты ли вставишь ногу въ стремя?
мы ли выступимъ въ походъ?

Иль какъ нынѣ подъ курганомъ
спишь ты крѣпко смертнымъ сномъ,
изъ могилъ и мы не встанемъ
свѣтъ узрѣть въ краю родномъ?

Хмуро солнце въ русскомъ небѣ...
хмуръ и лѣтомъ русскій боръ...
Что жъ? и этотъ скорбный жребій
примемъ мы, какъ Святогоръ.

ИЛЬЯ МУРОМЕЦЪ.

На распутьи трехъ дорогъ
старый Муромецъ стоитъ,
размышляетъ — не спѣшитъ:
„силой не обидѣлъ Богъ,
далъ мнѣ добраго коня,
острый мечъ и крѣпкій щитъ,
не сегодня онъ меня.
разума лишитъ
Если вправо я пойду,
кладъ найду.
Но богатство ни къ чему,
коль жены нѣтъ въ терему.
Если влѣво поверну,
то красавицу жену
мнѣ сулитъ судьба въ утѣху.
Быть бы свадьбѣ, быть бы смѣху:
я привыкъ трубить въ рога,
не привыкъ носить рога.
А по третьему пути
смерть найти.
Смерть то всякій повстрѣчаетъ,
гдѣ не знаетъ и не чаетъ.
Встрѣчу гдѣ нибудь свою:
только мнѣ не пасть въ бою.
Знать нетрудно напередъ,
кто куда пойдетъ:
братъ Алеша за казной,
братъ Добрыня за женой.
Не пойду ли — все отъ Бога —
прямоѣзжею дорогой?“
Поразмыслилъ такъ старикъ

и пошелъ онъ напрямикъ
не къ селу и не ко граду —
на разбойничью засаду.
Потопталъ онъ ихъ конемъ,
порубилъ онъ ихъ мечемъ,
смерти въ лапы не достался,
но одинъ въ живыхъ остался.

На распутьи трехъ дорогъ
я, какъ Муромецъ, стою.
Гдѣ построю свой чертогъ?
какъ устрою жизнь свою?
Старый, матерой казакъ,
изъ могилы вѣщій знакъ
мнѣ подай.
Жаденъ я до всякихъ благъ,
такъ и знай.
Жить хочу я для себя,
но родимый край любя,
жертвы не страшусь.
Смерти ты не ждалъ въ бою:
я готовъ принять свою,
грудью вставъ за Русь.
Лишь бы вѣрить, лишь бы знать,
что тебя не даромъ Богъ
для страны твоей берегъ
и обрекъ насъ умирать,
чтобъ воскресла Русь.

***

Въ душѣ тоска, но разумъ свѣтелъ.
Любовь моя! Страна моя!
Одной не зналъ, другой не встрѣтилъ,
пока была весна въ расцвѣтѣ
и путь лежалъ во всѣ края.
Теперь, предъ совѣстью въ отвѣтѣ,
скорблю, безсилья не тая.

Что дамъ тебѣ, моя подруга,
чья молодость не изжита?
избытку жизни нѣтъ досуга
и мудрость любящаго друга,
увы, — безкрылая мечта.

И если преданъ я отчизнѣ
нѣжнѣй, чѣмъ въ пору юныхъ дней, —
есть радость скорбная и въ тризнѣ,
но мнѣ едва ли хватитъ жизни,
чтобъ долгъ исполнить передъ ней.

Въ чемъ долгъ любовный передъ вами,
постигъ, кто сердцемъ искушенъ.
Его не выразить словами,
но надъ незримыми церквами
о немъ поетъ неслышный звонъ.
Надъ тучами, надъ синевами
вамъ свѣтитъ то, чѣмъ я сожженъ.

ЧЕЙ ГРѢХЪ?

Съ тобой, о Русь, свершая трудъ безплодный
на нивѣ будничной, на нивѣ всенародной,
иль возложивъ на плечи тяжесть бранныхъ дней,
все неразрывнѣй и нѣжнѣй
я связанъ скорбью безысходной.
Не то мы жнемъ, что сѣяли впотьмахъ,
не то задумали, что наспѣхъ возводили,
не такъ мы вѣруемъ, какъ жили,
и въ гробъ кладемъ неискупленный прахъ.
И съ той поры, какъ гдѣ то на Востокѣ
невѣдомый Европѣ зародился бытъ,
твоей душой мятежной не избыть
какой то грѣхъ исконный и жестокій.
Ни разу надъ судьбой не властвовала ты,
надъ случаемъ ни разу не царила;
какъ дикій конь, невзнузданная сила
топтать готова злаки и цвѣты;
и въ глубинѣ души горящее свѣтило
не можетъ даже въ ней разсѣять темноты.
Какъ древній богатырь, недвижна и покорна,
ты чуда ждешь, чтобъ подвиги свершать,
не думая о томъ, что чудо неповторно
и лишь на тѣхъ, кто волей живъ упорной
и долгу вѣренъ — Божья благодать.
Сама собой ты править не умѣла,
и не стремясь на свѣтъ изъ темнаго угла,
ты власть чужую рабски приняла,
какъ тяжкое ярмо, что принижаетъ тѣло.
Но мудростью и свѣтлою и смѣлой
не озаривъ ея, за нею не пошла.

И вотъ теперь, въ тревожный часъ невзгоды,
предъ тайною бичующей судьбы,
когда вопросъ: — достойна ль ты свободы? —
тебя нежданно вздернулъ на дыбы,
чей грѣхъ клеймишь? чье преступленье судишь?
какую казнь измыслишь? и кому?
и если все сметешь,—скажи: что строить будешь,
о ты, которая и этотъ часъ забудешь,
не научившись ничему?
Пойми, пойми, что всякій грѣхъ простится,
что всѣмъ преступникамъ пощада можетъ быть,
и лишь тому, кто истины страшится,
кто знаетъ цѣль и къ цѣли не стремится,
судьбы карающей во вѣки не избыть.
Не грѣхъ чужой мы нынѣ искупаемъ
и наступилъ расплаты грозный часъ
не съ тѣми, кто безъ насъ и не для насъ
вѣками властвовалъ надъ угнетеннымъ краемъ.
Но общій грѣхъ и въ ихъ грѣхѣ признаемъ,
пока послѣдній лучъ спасенья не угасъ.
Словами жгучими, какъ боль моя, молюся
за всѣхъ, чьи помыслы къ тебѣ вознесены,
чтобъ въ жуткій часъ кроваваго искуса
намъ не забыть былой своей вины.
И если казнь, — да будутъ казнь Іисуса
и смерть воскресная Россіи суждены.

⁂

Родимая сторонушка,
раздольная, могутная,
безвольная, безпутная,
до дна ли пьешь, до донушка,
не чарами, а чанами,
не медъ и не вино?
И вьется хмель туманами
надъ душами, надъ странами,
гдѣ зябко и темно?

Чего ты вширь пустынею
на всѣ четыре стороны
раскинулась, гдѣ вороны
подъ купой блѣдно-синею
накаркали, накаркаютъ
за бѣдами бѣду?
Не чанами, а чаркою
пила ты радость жаркую:
не хуже и въ аду.

Служанка подъяремная,
жена ли ты кабацкая,
невѣста-дѣва скромная, —
какая-то дурацкая,
нескладная, ненужная
томитъ тебя нужда.
И вѣчно безоружная,
бредешь тропою кружною
невѣдомо куда.

Сбирала бъ ты дружинушку,
запѣла бъ ты дубинушку,
взяла бы помело,
смела бы все поганое,
все хамское, все чваное,
что не путемъ заведено,
что ржей и тлей разъѣдено,
что свѣтъ заволокло.

***

Есть мощь отважнаго бойца,
есть мужество упорной обороны,
когда безтрепетный и непреклонный
борецъ противится сильнѣйшимъ—до конца.

Отважна ль ты? стойка ли ты, Россія?
гдѣ выдержка? гдѣ буйный твой задоръ?
Какъ не смела тебя до этихъ поръ
твоей судьбы враждебная стихія?

Печаленъ сказъ про житіе твое,
и сколько разъ казалось: нѣтъ спасенья.
Но чѣмъ рѣшительнѣе было пораженье,
тѣмъ глубже ты вростала въ бытіе.

Чего ты ждешь: послѣдняго покоя?
иль дикихъ бурь грохочущихъ вокругъ?
Раба ли ты привыкшая къ побоямъ?
подвижница возжаждавшая мукъ?

Я не пойму тебя. Любить не перестану,
и недостойную любви — не прокляну.
Но Боже мой: какъ песъ ты лижешь рану
и вотъ, сейчасъ завоешь на луну.

Ужъ лучше вой безцѣльно и безвольно,
закрывъ глаза и не расправивъ плечъ.
И, можетъ быть, случайно крикнешь: больно!
и вдругъ поймешь, какъ эту боль пресѣчь.

***

Скорблю, не жалуясь: Россія,
не любишь ты своихъ дѣтей,
какъ будто всѣ они чужіе
мечтѣ раздумчивой твоей.

Мы плоть отъ плоти, кость отъ кости,
и въ нашихъ жилахъ кровь одна.
Но мы не дѣти — только гости
въ твоихъ привольяхъ и стѣнахъ.

Чего ты ждешь? О чемъ тоскуешь?
какимъ обѣтамъ внемлешь ты,
когда рыдаешь и ликуешь,
средь темноты и пустоты?

Судьбу какую ты провидишь?
чьимъ озареньемъ ты свѣтла?
за что невинныхъ ненавидишь?
за что подлѣйшихъ обняла?

и что превыше всѣхъ законовъ
воздвигла, жизни не щадя,
равняя мудрыхъ Соломоновъ
и безразсуднаго вождя?

Открой, открой намъ, мать родная,
какъ подойти къ тебѣ, любя?
чѣмъ, истины твоей не зная,
мы всѣ похожи на тебя?

***

Такъ... Пушкинъ, Рыбниковъ, Евангелье... А рядомъ
листокъ вечерній, купленный сейчасъ,
съ сырой печатью, съ злободневнымъ ядомъ,
рожденный только что и мертвый черезъ часъ;
и тутъ же — русская газета,
два моря переплывшая давно.
Закрыта дверь, завѣшено окно,
и дождь и буря на дворѣ... И это,
и это — жизнь моя... Надолго? навсегда?
желалъ ли я такой иль примирился съ нею?
какой судьбой заброшенъ я сюда?
какихъ заклятій преступить не смѣю?
Судьба... судьба... но вѣрю ли въ судьбу?
и сладко сѣтовать лишь на вину чужую.
Мой грѣхъ, мой тяжкій грѣхъ, коль заживо въ гробу
я схоронилъ себя и, схоронивъ, тоскую.
Прости меня, родимая страна,
вѣдь по невѣдѣнью, безъ умысла лихого,
я грѣшенъ предъ тобой, какъ ты сама грѣшна,
за вѣкомъ вѣкъ и съ каждымъ мигомъ снова.
Недаромъ я твой сынъ; недаромъ ты
глядишь на Западъ, грезишь о Востокѣ,
державная и въ хатѣ кривобокой,
но узница раздольной пустоты.
Прости меня, чтобъ я себя простилъ.
Какъ ты, и я тружусь на черной пашнѣ,
безжалобно, упорно, въ мѣру силъ,
свершая подвигъ свой, такой же, какъ вчерашній.
И что кругомъ творится — все равно:
для насъ, мы знаемъ, жатва не поспѣла.

Душа тосклива и устало тѣло —
мы оба молоды, но молоды давно.
Подъ снѣжнымъ саваномъ внимательнѣй и чутче
теперь ты слушаешь безрадостную быль
знакомую и мнѣ... Вотъ Рыбниковъ и Тютчевъ,
вотъ Пушкинъ — посохъ мой, Евангелье — костыль,
а вотъ — за мигомъ вьющаяся пыль —
уже отставшая отъ времени газета...
И это — жизнь моя. И это
теперь, какъ прежде — какъ всегда — не ты ль?

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Книги

СЕРГѢЯ РАФАЛОВИЧА:

ВЕСЕННІЕ КЛЮЧИ. Стихотворенія. Петербургъ. 1901 (распродано).

ПРОТИВОРѢЧІЯ. Разсказы и драматическіе этюды. Петербургъ. 1903 (распродано).

СВѢТЛЫЯ ПѢСНИ. Стихотворенія. Петербургъ. 1905. Изд. Содружества (распродано).

ЖЕНСКІЯ ПИСЬМА. Петербургъ. 1906. Изд. Содружества (распродано).

ОТВЕРГНУТЫЙ ДОНЪ-ЖУАНЪ. Драматическая трилогія въ стихахъ. Петербургъ. 1907. Изд. Шиповника.

НА ВѢСАХЪ СПРАВЕДЛИВОСТИ. Комментарій къ роману. Петербургъ. 1909. Изд. Шиповника (распродано).

SPECULUM ANIMAE. Стихотворенія съ иллюстраціями Судейкина, Добужинскаго, Чехонина, А. Яковлева, Анисфельда. Петербургъ. 1911. Изд. Шиповника.

ЗЕРКАЛО ДУШИ. Стнхотворенія. Петербургъ. 1914. Изд. Шиповника.

ТЕАТРЪ. Пять пьесъ. Петербургъ. 1913. Изд. Шиповника.

ЧЕТВЕРТАЯ КНИГА СТИХОВЪ. Петербургъ. 1913. Изд. Шиповника (конфискована).

ТРІОЛЕТЫ. Петроградъ. 1916. Изд. Шиповника.

СТИХОТВОРЕНІЯ. Петроградъ. 1916. Изд. Шиповника.

Готовятся къ печати:

БЛИЗКІЕ ЛЮДИ. Книга объ одиночествѣ.

ЧОРТЪ. Современый романъ въ стихахъ.

ДВОЕ. Поэма.

НЕ ТАКЪ—КАКЪ БЫЛО... Книга разсказовъ.

ПОЭМЫ.

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ:
Imprimerie „Union"
46, Bd Saint-Jacques
Paris

Цѣна: 1 фр. 50 с.